

Арина Сокол

Печать
суверена

Шеде

Арина Сокол

Печать суверена

<https://litres.ru/74548107>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где Информационное Поле принадлежит мужчинам, женщины рождаются пустыми. Но у Поля свои законы. Когда погибает маг древней династии, его сила переходит к его 36-летней жене Элене, печать суверена проявляется на лбу рисунком орла на ладье и вязью символов на ребрах. В трансах Элена видит, кто в беде, и приходит на помощь, спасая людей.

Её дочь Кира считает это безумием, пока на её рёбрах не проступает та же вязь, а руки вдруг не создают из воздуха фарфоровые карты, предсказывающие будущее. Высший Совет фиксирует аномалию и объявляет на них охоту.

После жестокой облавы Кира с помощью карт выводит раненую мать к главе строительного синдиката Артуру Николаевичу, чью жизнь Элена спасла ранее. Долг крови. Артур укрывает беглянок и жёстко блокирует патрули. Мужчина замечает за ухом Киры родинку-клевер — тайный знак своей крови, — он понимает, что она выжившая девочка его уничтоженного рода. Артур сохраняет это сокрушительное знание в тайне и молчит, но правила игры изменены навсегда.

Содержание

Глава 1. Маскировка для памяти	4
Глава 2. Белизна грядущего	11
Глава 3. Зверь на пожарной лестнице	18
Глава 4. Законы Поля	24
Глава 5. Союзник из эфира	28
Глава 6. Проявление врагов	34
Глава 7. Раскол доверия	39
Глава 8. Облава	44
Глава	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Арина Сокол

Печать суверена

Глава 1. Маскировка для памяти

Плотный слой тонального крема ложился на кожу послушно, но Елена знала: это лишь иллюзия контроля. Она аккуратно вбила подушечкой указательного пальца густой бежевый пигмент прямо по центру лба, чуть выше переносицы. Там, где под кожей отчётливо проступало багрово-сизое пятно неровной формы, напоминающее очертания расколотого материка — печать суверена.

Элена вздохнула, её плечи чуть опустились. Из зеркала в ванной на неё смотрело лицо, которое упорно отказывалось подчиняться времени. В свои **тридцать шесть лет** она выглядела от силы на **двадцать пять** — худенькая, подтянутая, со спортивной фигурой, которую она ежедневно поддерживала домашними силовыми тренировками, до изнеможения поднимая чугунные гантели. Настоящая точёная статуэтка с пронзительными **зелёными глазами** и аккуратными, небольшими губами бантиком. Профессиональный каштановый татуаж бровей идеально гармонировал с её гордостью — **длинными каштановыми волосами**, которые сейчас мягкими волнами спускались по спине. Из макияжа она при-

знавала лишь необходимый тон, лёгкие румяна на скулах и тонкую, едва заметную стрелку-каплю на глазах. Никакой туши — природа и так наградила её невероятно густыми, длинными, угольно-чёрными ресницами.

Она привычным, до автоматизма отточенным движением перекинула густую прямую чёлку вперёд, окончательно пряча от чужих глаз отметину на лбу. Когда они с дочерью выходили на улицу, окружающие неизменно принимали их за **старшую и младшую сестёр**, что всегда вызывало у Элены лишь грустную, мимолётную улыбку. Никто в этом городе — да и во всём мире — не должен был знать, что скрывается под её макияжем.

По суровым законам Информационного Поля, женщины рождались пустыми. Сила, дар исцеления, предвидения и архивы вселенских знаний веками текли только по мужским венам. Мужчины правили, мужчины строили, мужчины черпали мощь из самого эфира вселенной. До тех пор, пока её муж, последний выживший из некогда великого, но жестоко истребленного рода, не погиб в том проклятом пограничном бою.

Поле не нашло другого наследника-мужчины этого корня. Но мир любил эту семью. И Поле, словно ласковый родитель, бережно пришло к его жене.

Элена прижала ладонь к правому боку. Под домашней хлопковой футболкой мгновенно отозвалось осязуемым, глубоким и очень живым теплом. Там, прямо на рёбрах, ко-

жа была испещрена тонкими черными символами, проявившимися в ночь, когда сердце её мужа перестало биться. Рисунок представлял собой **величественную голову орла, смотрящую вправо, ниже которой раскинулось мощное крыло, сжимающее массивный посох; и вся эта композиция покоилась на плывущей ладье**. Настоящая родовая печать суверена. Её тайное наследие.

— Мам, ты скоро? Я опаздываю, мне чашку помыть надо!
— раздался из коридора звонкий, слегка раздражённый голос Киры.

Элена вздрогнула, отпуская край футболки.

— Да, милая, уже выхожу, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал максимально ровно.

Она открыла дверь. Девятнадцатилетняя Кира стояла, прислонившись к косяку, с пустой кружкой из-под чая. Дочь росла такой же ослепительной красавицей, унаследовав от матери густые тёмные волосы и те же невероятные ресницы, но её **прямой, упрямый носик и волевой подбородок были точной копией семьи погибшего отца**. В её карих глазах сейчас читалась смесь подросткового скепсиса и глухой, затаённой тревоги. Кира мазнула взглядом по лбу матери, оценивая плотность макияжа, и едва заметно нахмурилась. Она знала о пятне. Она видела татуировку-печать. Но для девятнадцатилетней девушки, воспитанной в мире строгих патриархальных правил, это было не божественным даром, а симптомом сумасшествия или страшной болезни, ко-

торуую нужно скрывать от санитарных патрулей Совета.

— Опять маскируешься? — тихо спросила Кира, проходя к раковине и включая воду. Её пальцы крепко сжали фарфоровую ручку. — Мам, может, всё-таки к врачу? Ну бывают же гормональные сбои. Ну какие символы? Какая ладья с орлом? Какой дар? Ты ведь знаешь, что бывает с женщинами, которые... ну, заговариваются?

Элена мягко улыбнулась, хотя внутри всё сжалось от боли. Дочь не верила ей. Боялась за неё, любила, но не верила ни единому слову.

— Кира, мы говорили об этом. Мой организм в полной норме.

— Ага, в норме, — Кира резко выключила воду и повернулась, вытирая руки полотенцем. На её юном лице проступило упрямство. — А то, что ты замираешь посреди комнаты и начинаешь шептать на непонятном языке — это тоже норма? Мам, мне страшно. Если кто-то увидит, нас запрут. Отца больше нет, нас некому защитить.

Элена подошла ближе и попыталась коснуться плеча дочери, но Кира мягко отстранилась, подхватила свой рюкзак и направилась к выходу.

— Ладно, я в университет. Буду поздно, у нас отработка по химии.

Когда за дочерью захлопнулась входная дверь, в квартире воцарилась звенящая, давящая тишина. И именно в этот момент Поле решило заговорить.

Это всегда начиналось одинаково. Сначала рёбра под футболкой окутало плотным, очень приятным и осязаемым теплом, словно к телу приложили согретую на южном солнце морскую гальку. Никакой боли, никакого жжения. Елена мягко выдохнула, чувствуя, как крыло орла и ладья на её коже ласково пульсируют, транслируя эту энергию вверх, к самой голове. Пигментное пятно на лбу под слоем тонального крема отозвалось слабым, удивительно приятным покалыванием крошечных иголочек — это было похоже на щекотку, от которой хотелось зажмуриться и счастливо улыбнуться. Косметика не могла сдержать этот свет — сквозь бежевый крем начало проступать едва заметное, призрачное серебряное сияние.

Элена почувствовала, как комната вокруг неё начинает растворяться. Стены кухни побледнели, звуки с улицы — шум проезжающих машин, крики птиц — резко смолкли, будто кто-то повернул регулятор громкости до нуля. Мир вокруг неё словно выстраивал невидимый, тёплый кокон, защитный барьер. Пространство ласково прятало её, оберегая от чужих глаз. Если бы прямо сейчас в квартиру вошел посторонний человек, он бы просто не заметил стоящую посреди комнаты женщину — его взгляд скользнул бы мимо, а ум нашел бы сотню логичных причин отвернуться. Поле неистово любило свой единственный, драгоценный и неправильный сосуд.

Элена закрыла глаза. Её тело обмякло, плечи расслаби-

лись, а голова чуть откинулась назад. Губы бантиком зашевелились сами собой, выталкивая хриплые, гортанные звуки старого языка, которому её никто никогда не учил.

Перед её внутренним взором развернулась картина: грязный, сырой подвал на окраине города. Старик, зажатый между старыми трубами отопления. Его нога сломана, он не может позвать на помощь, а вода медленно прибывает из лопнувшей магистрали. Элена «видела» цифры — номера домов, название улицы. Информационное Поле не просто давало картинку, оно бережно вкладывало в её сознание точные координаты чужой беды, зная, что именно она сможет помочь.

— Улица Речников, дом двенадцать, — с трудом прошептала Элена, приходя в себя.

Кокон рассеялся. Звуки города лавиной обрушились на слух. Элена глубоко дышала, на лбу выступили капли пота, частично размыв тональный крем. Она знала, что должна идти.

Уже два года она жила так. Поле приводило её в места, где мужчины с даром были бессильны — потому что они искали славы, денег и великих свершений, а Поле часто нуждалось в тихом, незаметном спасении простых людей. Она приходила туда, где её ждали. Помогала выбраться, приносила лекарства, подсказывала правильные решения. И люди запоминали её. Денег она почти никогда не брала, но мир платил иначе: продуктами, услугами, верными знакомствами. У Элены

появились друзья в самых разных слоях общества — от портовых грузчиков до главных врачей больниц, которые закрывали глаза на её странности и всегда были готовы помочь в ответ. Она потихоньку становилась на ноги, обретая невидимую, но прочную сеть поддержки. Мир любил её и оберегал.

Элена быстро подошла к зеркалу, подправила чёлку, стёрла пот и накинула простое серое пальто. Ей нужно было спешить на улицу Речников. Она ещё не знала, что пока она будет спасать чужую жизнь, привычный мир её собственной любимой дочери начнет рушиться под натиском их общего великого наследия.

Глава 2. Белизна грядущего

Утро девятнадцатилетней Киры всегда начиналось по одному и тому же сценарию: упрямый будильник, чашка обжигающего чая, от которого немел язык, и тяжелое, липкое чувство тревоги за мать. Поведение Элены в последнее время все больше настораживало её. «Информационное Поле», «наследие отца», «татуировка на рёбрах» — Кира, выросшая в эпоху, где мужчинам с пелёнок внушали их избранность, просто не могла принять эту реальность. Для неё мамины «приступы» были опасной, прогрессирующей болезнью. В этом мире женщин за подобные «чудеса» отправляли в закрытые изоляторы. Без права на возвращение.

Всю дорогу до университета Кира смотрела в окно автобуса, бездумно считая пролетающие мимо серые многоэтажки. В голове крутился утренний разговор. Ей было стыдно за то, что она оттолкнула маму, но это напряжение... оно буквально выжигало всё изнутри.

Первые пары тянулись невыносимо долго. На перерыве перед лекцией по высшей математике Кира сидела на подоконнике в шумном коридоре. Вокруг смеялись студенты, кто-то обсуждал вчерашний футбольный матч, а Кира, покрутив в руках тюбик с гигиенической помадой, вдруг повернулась к своей однокурснице Маше.

— Слушай, Маш... — Кира постаралась, чтобы её голос

звучал как можно более небрежно. Она поправила выбившуюся из хвоста прядь тёмных волос. — У тебя у мамы... ну, на лице есть какие-нибудь пигментные пятна? Ну, знаешь, такие возрастные, которые приходится сильно замазывать? На лбу, например?

Маша оторвалась от экрана телефона, удивленно вскинув идеально выщипанные брови.

— Пятна? — она хмыкнула и даже слегка поморщилась. — Нет, моя раз в месяц ходит на лазерный пилинг. Кожа как у младенца. А что? У твоей вылезло что-то? Слушай, сейчас куча клиник, пусть сходит, это же неэстетично. Женщина должна выглядеть ухоженно, а то твой отец... Ой, прости, Кир.

Маша осеклась, вспомнив, что отец Киры погиб. Кира лишь выдавила фальшивую улыбку и качнула головой.

— Да нет, ничего, просто спросила. Читала статью про генетику.

Она спрыгнула с подоконника и пошла в аудиторию. Сердце колотилось где-то в горле. Двенадцатый ответ и все они одинаковые. Пигментного пятна нет. Ни у кого. Никаких пятен без косметики. Никаких странных символов на рёбрах. Случай мамы был уникальным. И от этого становилось только страшнее.

Следующее утро началось странно. Кира проснулась за пять минут до будильника от давящего ощущения тепла в ладонях. Ей показалось, что она держит в руках чашку с го-

рячим бульоном, но руки были пусты.

Она сонно поплелась в ванную, шлёпая босыми ногами по прохладному линолеуму. В квартире было тихо — мама, скорее всего, ушла ещё на рассвете, оставив на кухонном столе привычную записку: *«Буду к обеду, суп в холодильнике»*.

Кираоткрыла кран, набрала в пригоршни прохладную воду и плеснула себе в лицо. Сонливость немного отступила. Она потянулась за махровым полотенцем, и в этот момент правый бок пронзило странное, непривычное ощущение. Это не было тепло, как у мамы. Скорее, под кожей пронеслось лёгкое, деликатное покалывание, похожее на прикосновение прохладного шёлка или на пробежавшую волну мурашек.

Кира удивлённо замерла и опустила полотенце. Нахмурившись, она медленно задрала край своей домашней футболки перед зеркалом.

Её сердце пропустило удар. На бледной коже её правого бока, прямо над рёбрами, чёткими и тонкими угольно-чёрными штрихами проступала **точно такая же вязь символов**, как у мамы. Рисунок выстраивался идеально и безошибочно: гордая голова орла, смотрящая вправо, раскинутое широкое крыло, сжимающее массивный посох, и контуры плывущей ладьи под ними. Родовая печать суверена. Знаки замерли на её коже, оставаясь прохладными и безмятежными, словно они всегда были там.

— Этого не может быть... — прошептала Кира, касаясь

пальцами рисунка. Кожа под ним не горела, символы не пульсировали жаром, но стоило ей убрать руку, как покалывание на рёбрах мгновенно перекинулось на её кисти.

Вот теперь её ладони действительно обожгло. Это не была боль от ожога, скорее резкий, покалывающий прилив электрического тока. Вся накопленная энергия устремилась прямо в её руки.

— Что за... — пробормотала Кира, глядя на свои ладони.

Вода на коже мгновенно высохла, превратившись в едва заметный пар. Из её ладоней, прямо сквозь поры, начал сочиться мягкий, идеально белый свет. Он не слепил, но был плотным, как утренний туман. Кира замерла, её глаза округлились от ужаса, дыхание перехватило. Она хотела закричать, но горло сковал спазм.

Свет между её нагревающимися ладонями начал сгущаться, обретая форму. Пальцы сами собой согнулись, подстраиваясь под этот свет, словно они точно знали, что делать. Секунда — и сияние погасло, оставив в руках Киры плотную, увесистую прямоугольную стопку.

Это были карты.

Кира ахнула, едва не выронив их в раковину. Она судорожно вцепилась в колоду и поднесла её ближе к глазам. Карты были сделаны из непонятного материала — на ощупь как плотный шелк, смешанный с тончайшим пластиком, но при этом абсолютно, звеняще белые. Ни рубашки, ни картинок, ни цифр. Просто идеальная, пустая белизна.

— Я сошла с ума, — вслух произнесла Кира, и её голос эхом разнёсся по кафельной ванной. — Мамин психоз передался мне. Это галлюцинация. Этого не может быть.

Её пальцы задрожали. Чтобы доказать себе, что это мокрок, она попробовала выбросить колоду, но руки не послушались. Напротив, горящие ладони словно обрели собственную волю. Кира с изумлением наблюдала, как её пальцы начали ловко, профессионально тасовать пустые карты. Хруст пластика и шорох шёлка были абсолютно реальными. Colony скользила между ладоней, карты веером перелетали из одной руки в другую с такой скоростью, словно Кира всю жизнь провела за игорным столом в подпольном казино, хотя она никогда в жизни не держала в руках даже обычного дурака.

— Хватит! Остановись! — приказала она собственному телу, но пальцы сделали финальный щелчок, выравнивая колоду.

Руки сами потянулись вверх. Кира, подчиняясь какому-то внутреннему, непреодолимому импульсу, сняла верхнюю карту и перевернула её. В ту же секунду ещё две карты сами выскользнули из середины и упали прямо на стиральную машину перед ней.

Кира затаила дыхание.

На идеально белой поверхности первой карты, прямо на глазах, начал проступать рисунок. Это выглядело так, будто под кожу бумаги впрыснули чёрную тушь. Тонкие, изящные линии сплетались в узор.

Сначала появились очертания старой пожарной лестницы — ржавые перекладки, облупившаяся краска. Кира узнала этот силуэт. Это была лестница на торце старого заброшенного дома в переулке, через который она каждый день срезала дорогу к главному корпусу университета.

Затем на второй карте проступили мощные, когтистые лапы. А на третьей — оскаленная морда огромного, дикого барса с горящими, яростными глазами. Зверь на рисунке выглядел настолько живым, что Кире показалось, будто она слышит его глухое, утробное рычание сквозь глянец карты.

Внизу, под рисунком барса, вспыхнули и тут же погасли три слова, написанные чётким, угловатым шрифтом: **«НЕ ПОВОРАЧИВАЙ СЕГОДНЯ»**.

Кира зажмурилась, со всей силы затрясла головой, а когда открыла глаза — карты в её руках начали стремительно бледнеть. Рисунки растаяли, превратившись в серую дымку, а затем и сама колода растворилась в воздухе, оставив на ладонях лишь легкий запах озона и едва уловимое тепло.

Её руки снова были пусты. Вода в раковине тихо капала из неплотно закрытого крана. Рисунок на рёбрах оставался холодным и неподвижным, словно обычная татуировка, сделанная мастером, но само его присутствие заставило Киру содрогнуться.

Кира тяжело опёрлась о край раковины, глядя на своё бледное отражение в зеркале. Зрачки были расширены, сердце колотилось в бешеном ритме.

— Это просто дурной сон, — прошептала она, включая холодную воду и судорожно умываясь во второй раз. — Просто переутомление из-за сессии. Какой барс? В центре города? На пожарной лестнице? Чушь.

Она быстро оделась, стараясь не думать о символах, скрытых под тканью одежды, схватила рюкзак и выскочила из квартиры, стараясь не смотреть на стиральную машину, где только что лежали пустые карты, которые знали её маршрут до университета.

Глава 3. Зверь на пожарной лестнице

Прохладный утренний воздух немного привёл Киру в чувство. Шагая по тротуару, она изо всех сил вжимала пальцы в лямки рюкзака — ладони до сих пор покалывало, словно от слабого разряда статического электричества. Вокруг суетился привычный ритм осенней Москвы: сонные люди спешили к метро, пахло свежей выпечкой из угловой пекарни, дворник лениво смёл жёлтые листья с асфальта. Всё было настолько обыденным, что недавнее происшествие в ванной казалось глупым сном. Наваждением.

«Барс на пожарной лестнице? В черте города? Ну и бред, — уговаривала себя Кира, ускоряя шаг. — Наверное, я просто пересмотрела маминих странностей. Психика не выдержала».

Но чем ближе она подходила к перекрестку, за которым начинался тот самый опасный переулочек, тем сильнее сжимался желудок. Этот узкий проход между двумя глухими стенами старых кирпичных зданий экономил ей добрых пятнадцать минут пути. Кира ходила здесь каждый день.

Вот и этот поворот. Знакомая кованая арка, за которой светлая городская улица резко уступала место глубокой, сырой тени. Кира остановилась у самого края. Сердце вдруг

сделало тяжелый, болезненный толчок и замерло где-то в районе горла. Перед глазами на долю секунды вспыхнул утренний рисунок на белой карте: ржавые перекладины, когтистые лапы.

— Да брось ты, — зло прошептала она самой себе. — Если я сейчас поверну назад, значит, я официально сошла с ума.

Вместо того чтобы слепо завернуть за угол, Кира заставила себя сделать то, чего никогда не делала раньше: она осторожно, на полшага, подалась вперед и заглянула в переулок, спрятавшись за выступом кирпичной стены.

В переулке было пусто и тихо. Лишь ветер гонял по замусоренному асфальту обрывок старой газеты. Кира облегченно выдохнула и уже собиралась выйти из своего укрытия, как вдруг её взгляд скользнул выше. По торцу пятиэтажного здания тянулась ржавая металлическая конструкция. Пожарная лестница. Точь-в-точь как на карте.

На уровне третьего этажа, прямо на узкой железной площадке, что-то шевельнулось.

Кира замерла, перестав дышать. Из тени кирпичного выступа медленно, бесшумно вытекло массивное, гибкое тело. Это был барс. Но не обычный дикий зверь из зоопарка. Он был огромным, размером с хорошего коня, а его густая пепельно-серая шерсть, покрытая темными кольцами, словно подергивалась легкой дымкой, как будто животное состояло не только из плоти, но и из самой ночной прохлады.

Зверь стоял на железных прутьях, низко опустив тяжелую

голову. Его длинный хвост нервно ходил из стороны в сторону, с тихим металлическим стуком ударяя по перилам. Из его полуоткрытой пасти вырывалось тяжелое, ровное дыхание, превращающееся на холодном воздухе в облачка густого пара. Кира отчетливо видела его длинные, желтоватые клыки.

В этот момент барс, словно почувствовав чужой взгляд, резко повернул голову вниз. Прямо на неё.

Его глаза вспыхнули потусторонним, пронзительным янтарным светом. Это был взгляд разумного, опасного существа, которое не просто голодно, а выслеживает конкретную добычу. Кира почувствовала, как по позвоночнику разлился ледяной ужас. Её ноги буквально приросли к асфальту. Барс издал короткое, утробное рычание — этот звук завибрировал у Киры в груди, заставив зубы застучать. Зверь подобрался, его мощные лопатки заходили под шкурой, готовясь к прыжку вниз, прямо на неё.

В то же мгновение пространство вокруг Киры соткалось в призрачный, едва мерцающий купол, надёжно укрывший её от хищных глаз барса. Дикий, яростный взгляд зверя внезапно остекленел, потеряв фокус. Он смотрел прямо туда, где стояла девушка, но его зрачки скользили мимо, словно перед ним была пустота. Мир, любивший девушку так же сильно, как и её мать, закрыл её своим невидимым щитом.

Страх наконец-то отпустил её мышцы. Кира резко отпрянула назад, за угол, едва не упав на спину. В ушах звенело. Не

помня себя от ужаса, она развернулась и бросилась бежать прочь по людной, залитой солнцем улице, не разбирая дороги. Она бежала так, словно этот призрачный хищник уже дышал ей в затылок.

В университет Кира ворвалась бледная, запыхавшаяся, с растрепанными волосами. На лекциях она не услышала ни единого слова профессора. В её тетради вместо формул по высшей математике красовались нервные, хаотичные наброски пустых прямоугольников. Карты не соврали. Магия Поля, которую она всю жизнь считала исключительно мужским делом, и которую её мать принимала в виде пугающих трансов, только что спасла её жизнь. И проявилась эта магия в её собственных руках.

После занятий Кира не пошла на отработку по химии. Наплевав на всё, она практически бегом вернулась домой. Она ворвалась в квартиру, громко хлопнув дверью.

— Мама! — крикнула она прямо с порога, сбрасывая рюкзак на пол. — Мама, ты дома?!

Элена вышла из кухни. Она была в домашнем фартуке, на щеке остался след от муки — видимо, пыталась что-то приготовить. Но её чёлка была сдвинута набок, и под ней отчетливо виднелось багровое пятно, которое она даже не подумала замазать после утреннего возвращения. Она выглядела изможденной, под глазами залегли темные тени.

— Кира? Что случилось? На тебе лица нет, — Элена сделала шаг навстречу, всплеснув руками.

Кира подошла к ней вплотную. Её всю трясло, нижняя губа подрагивала.

— Они появились, мам, — выдохнула она, хватая мать за рукава кофты. — Карты. Белые пустые карты. Мои руки... они светились утром в ванной. Я тасовала их, как сумасшедшая фокусница, хотя никогда не умела. На них проступил рисунок. Пожарная лестница в переулке и... и огромный барс. Настоящий, живой. С горящими глазами.

Элена замерла. Цвет лица матери мгновенно изменился — она стала бледной, как стена. Её рука медленно поднялась к груди, туда, где под одеждой пряталась татуировка на рёбрах.

— Ты... ты пошла туда? — тихо, с ужасом спросила Элена.

— Я заглянула, — быстро заговорила Кира, глотая слезы. — Мам, он был там! Он сидел на лестнице и смотрел на меня! Если бы я не посмотрела на эти проклятые карты, я бы просто повернула за угол, и он бы... он бы прыгнул на меня! Мама, что это такое?! Ты ведь говорила, что сила только у мужчин! Что происходит с нашей семьей?!

Элена закрыла глаза, глубоко и тяжело вздохнув. Когда она снова посмотрела на дочь, в её взгляде уже не было утренней усталости — там была бесконечная, вековая скорбь и понимание того, что от судьбы спрятаться не удалось. Она мягко взяла Киру за дрожащие ладони.

— Пойдём в комнату, дочка, — негромко, но твердо ска-

зала Елена. — Пора рассказать тебе всё. До последнего слова. О твоём отце, о его роде и о том, почему Поле выбрало нас обоих.

Глава 4. Законы Поля

Они сидели на кухне. Большие настенные часы в углу громко, раздражающе отсчитывали секунды, но этот звук казался Кире далеким, словно доносился со дна колодца. Элена поставила на стол две кружки с мятным чаем. Сама она к своей даже не прикоснулась — её тонкие пальцы крепко сжимали край стола, костяшки побелели.

— Ты должна понять главное, Кира, — тихо начала Элена, глядя куда-то сквозь дочь. — То, чему нас учат с детства, что вбивают в головы в школах и показывают по телевизору — это лишь половина правды. Информационное Поле действительно веками выбирало мужчин. Их разум устроен иначе, они воспринимают Поле как инструмент власти, как оружие или калькулятор для расчетов. Мужчины берут из него силу, чтобы созидать масштабно... или разрушать.

Кира шумно выдохнула, обхватив руками колени. На её бледных щеках до сих пор горел лихорадочный румянец.

— Но почему мы? Отец ведь никогда не говорил, что его дар может... мутировать?

— Твой отец принадлежал к древнейшей династии Хранителей Ключей, — Элена подняла глаза, и в них блеснули слезы. — Их род вырезали почти полностью именно потому, что их связь с Полем была слишком чистой, слишком глубокой. Твой отец чудом спасся и всегда скрывал суть своего

дара. Он был последним мужчиной этого корня, когда погиб в том бою. По законам природы, энергия такой мощности не может просто испариться. Она должна была перейти к его сыну. Но у него родилась ты. Девочка. Дочка. Не сын. Единственная наследница силы отца.

Элена медленно потянула вверх край своей серой кофты, обнажая правый бок. Кира невольно подалась вперед. Тонкие, иссиня-черные символы на рёбрах матери сейчас не просто грелись — они едва заметно пульсировали, словно под кожей Элены текли жидкие чернила.

— Поле не нашло мужчины-наследника, — прошептала Элена. — И в ночь его гибели оно пришло ко мне. Из жалости, из долга или потому, что я была частью его души. Но женское тело не приспособлено для мужской магии. Мы не можем черпать из Поля чистую силу для битв. Поэтому Поле подстроилось под нас. Оно дало мне *Зрение*. Я вижу чужую боль, вижу точки излома в судьбах людей, когда ухожу в транс. А мир прячет меня в этот момент, потому что женская магия для этого общества — противоестественный, смертельно опасный дефект. Если Совет узнает, нас уничтожат, как уничтожили род твоего отца.

Кира перевела взгляд на свои ладони. Они выглядели абсолютно нормально. Никаких татуировок, никаких пятен. Лишь едва заметный, призрачный запах озона, который никак не выветривался.

— А мои карты? Что это было, мам?

— Твоему отцу в Поле подчинялись Векторы — линии вероятностей, — Елена протянула руку и мягко коснулась пальцев дочери. — Похоже, в тебе его дар трансформировался в *Осязание*. Поле говорит с тобой через образы. Карты — это твои проводники. Они материализуются из эфира, когда тебе или кому-то рядом грозит смертельная опасность, и показывают самый вероятный исход. Тот барс... это был не просто дикий зверь. Это был вестник. Кто-то или что-то начинает стягивать петлю вокруг нас. Поле предупредило тебя.

Кира резко встала со стула. Её шатало от избытка информации.

— Но я ведь спрашивала сегодня у Машки! Специально, издалека. Ни у кого из их матерей нет ничего подобного. Никаких пятен, никаких знаков. Мам, мы одни такие? На весь мир?

— Да, — твердо ответила Елена, тоже поднимаясь. Она подошла к дочери и крепко обняла её за плечи. — Насколько мне известно — мы единственные женщины на Земле, у которых открылся доступ к Полю. И это наш самый главный секрет. Если ты почувствуешь, что руки снова начинают гореть — не сопротивляйся. Учись слушать их. Теперь это вопрос нашего выживания.

Кира уткнулась носом в плечо матери. Страх никуда не ушел, но на смену панике пришло глухое, упрямое осознание: её прежняя жизнь девятнадцатилетней студентки закончилась сегодня утром в ванной.

Ближе к вечеру, когда Элена ушла в спальню, чтобы попытаться отдохнуть после тяжелого утреннего выхода на улицу Речников, Кира заперлась в своей комнате. Она села на кровать, скрестив ноги, и вытянула руки перед собой.

— Пожалуйста, — тихо прошептала она в пустоту комнаты. — Если вы здесь... если ты здесь, Поле... проявись. Мне нужно понять.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить то ощущение тепла, которое испытала утром. Минуту ничего не происходило. Кира уже решила, что это работает только в моменты паники, как вдруг в центре её левой ладони сладко и порывисто закололо.

Она открыла глаза. Воздух над её коленями задрожал. Мягкий, молочно-белый свет снова начал сочиться сквозь пальцы, сгущаясь в плотные, идеально ровные контуры. Шорох невидимого шёлка наполнил комнату. Кира затаила дыхание, наблюдая, как в её руках из ничего, молекула за молекулой, собирается безупречно белая, пустая колода карт.

Она была готова учиться.

Глава 5. Союзник из эфира

Два дня прошли в относительном затишьи, если можно назвать затишьем состояние, когда ты вздрагиваешь от каждого шороха. Кира пыталась учиться, но лекции пролетали мимо ушей. Она постоянно проверяла свои ладони, но карты больше не появлялись — Поле молчало, словно давая ей время переварить случившееся.

Всё изменилось в пятницу вечером. Кира сидела в гостиной с ноутбуком, когда из спальни матери раздался глубокий, затяжной и какой-то слишком ровный выдох.

Кира бросила компьютер и рванула в комнату. Элена сидела на полу возле кровати. Спортивный топ не прикрывал тонкие символы на рёбрах, которые ласково и глубоко пульсировали, разливая по телу плотное, живое тепло и озаряя полумрак комнаты мягким, неоновым синим светом. От кожи шёл едва заметный, прохладный пар. Чёлка Элены откинулась назад, открывая багровое пятно на лбу, которое сейчас светилось изнутри призрачным, пульсирующим серебром, а кожа там приятно покалывала крошечными иголочками. Никакой боли не было — сила баюкала её сознание.

— Мам! — Кира села перед ней на колени. Воздух вокруг Элены стал плотным и вязким, как остывающий кисель.

Пространство вокруг них начало бледнеть, комната словно растворялась, превращаясь в туманный кокон. Мир снова

бережно прятал женщину, уходящую в транс. Но в этот раз Кира была внутри этого кокона — Поле впустило её, как вторую наследницу. Елена плавно **закрыла глаза**, полностью доверяясь потоку информации, и прошептала:

— *...Перекресток Озерной и Северной... Серый седан, номер триста сорок... Сердце... Мужчина в костюме... Ему не дадут сделать вдох... Если не успеть до полуночи, ветвь оборвется...*

Через секунду Елена судорожно вздохнула, словно вынырнула из ледяной воды, и посмотрела на дочь. Свечение символов погасло, комната мгновенно обрела свои привычные очертания, а с улицы снова донесся шум города.

— Мама, ты как? Что ты видела?

— Очень важный человек... — прошептала Елена. — Сердечный приступ. Но это не болезнь, Кира. Ему... ему помогут умереть. Поле кричит об этом. Мне нужно идти. Озерная улица — это на другом конце города, у делового центра.

Элена попыталась встать, но её ноги подогнулись. Она два дня не спала, и этот транс забрал последние силы.

— Ты никуда не пойдешь в таком состоянии, — твердо сказала Кира, подставляя плечо и помогая матери сесть на кровать. В её груди вдруг проснулось упрямство отца. — Вернее, ты пойдешь, но только со мной. Я тебя одну не отпущу. Я буду твоими ногами и твоими глазами.

Элена хотела возразить, но, взглянув в решительные, карие глаза дочери, лишь слабо кивнула.

Дождливый ночной город встретил их блеском мокрого асфальта и неоновыми огнями небоскребов делового квартала. Время близилось к одиннадцати вечера. На углу Озерной и Северной улиц было безлюдно. Элена, кутаясь в длинное серое пальто, опиралась на руку Кира.

— Вон та машина, — тихо сказала Кира, кивнув на припаркованный у обочины серый седан бизнес-класса. Номера совпадали — 340.

Они ускорили шаг. Стекла автомобиля были наглухо тонированы, но сквозь лобовое стекло Кира разглядела силуэт человека на водительском сиденье. Мужчина в дорогом костюме неестественно откинулся назад, его голова была запрокинута, а рука судорожно сжимала воротник рубашки. Он задыхался.

— Кира, стой здесь и смотри по сторонам, — скомандовала Элена.

Она подбежала к машине и дернула ручку — заперто. Тогда Элена приложила ладонь к боковому стеклу прямо напротив замка. Кира затаила дыхание: она увидела, как под кожей маминой руки на секунду вспыхнули скрытые символы. Раздался негромкий щелчок, и центральный замок автомобиля открылся сам собой.

Элена рванула дверь. Мужчина — это был крупный, седовласый человек с волевым лицом — уже терял сознание. Его губы посинели. На пассажирском сиденье лежала перевернутая бутылка с водой. Кира сразу поняла: яд. Или ка-

кой-то сильный блокатор рецепторов, который мужчины-маги из высшего общества использовали для устранения конкурентов без следов.

Элена не колебалась. Она расстегнула воротник его рубашки и прижала обе ладони к его груди, прямо в область сердца.

В ту же секунду воздух вокруг машины задрожал. Кира, стоявшая в двух шагах, почувствовала, как её зрение начинает двоиться. Мама и умирающий мужчина словно подернулись дымкой. Прохожий, который в этот момент быстрым шагом шел по тротуару под зонтом, прошел буквально в полуметре от открытой двери машины. Он даже не повернул головы. Он просто *не увидел* их. Пространство вырезало этот кусок реальности из общего фона. Кира видела это изнутри и едва сдерживала крик восторга и страха.

Элена закрыла глаза. Под её ладонями, прямо сквозь ткань дорогого пиджака мужчины, начало разливаться мягкое синеватое свечение. Она не просто лечила его — она перекачивала через себя отравленный эфир Поля, который заблокировал его сердце. Лицо матери становилось всё бледнее, на губах выступила кровь от напряжения, но она не отпускала.

Наконец, мужчина сделал глубокий, хриплый вдох, похожий на всхлип новорожденного. В его глаза вернулся осмысленный взгляд. Синева с губ стала исчезать, а белое свечение вокруг мамы растаяло. Кокон невидимости распался.

Мужчина судорожно схватил Элену за запястья, глядя на неё дикими, непонимающими глазами. Он был магом, он почувствовал чужую силу, но... это была сила женщины.

— Кто... кто ты? — прохрипел он. — Что ты сделала? Мой советник... он дал мне выпить...

— Живите, Артур Николаевич, — тихо, но уверенно сказала Елена, аккуратно высвобождая руки. — И внимательно выбирайте тех, кто наливает вам воду.

Она быстро отстранилась от машины, подхватила Киру под руку, и они поспешили скрыться в темном переулке.

Мужчина остался сидеть в машине, глядя им вслед. Он был главой одного из крупнейших строительных синдикатов города, человеком, который управлял миллионными потоками энергии Поля. И сейчас его жизнь спасла женщина, которая просто растворилась в дожде.

— Он запомнит нас, — шептала Кира, когда они ловили такси на соседней улице. — Мам, он очень влиятельный. Если он начнет искать?

— Он найдет, — слабо улыбнулась Елена, засыпая на плече у дочери прямо в салоне такси. — Но он найдет, чтобы отблагодарить. Мир платит за добро. Теперь у нас есть сильный союзник.

Кира смотрела в окно на убегающие огни ночного города. Она впервые увидела маму в деле. Это не было безумием. Это была великая, чистая магия, которая пряталась на виду у всех. Но на душе у Киры было беспокойно. Ей казалось,

что, спасая этого человека, они перешли черту, за которой их маленькую тайну уже невозможно будет удержать в секрете.

Глава 6. Проявление врагов

После спасения Артура Николаевича прошла неделя. В квартире на окраине города воцарилась обманчивая тишина, но Кира не могла отделаться от ощущения, что воздух вокруг них стал липким и тяжёлым. Каждый раз, возвращаясь из университета, она подолгу стояла у подъезда, вглядываясь в серые силуэты прохожих. Ей казалось, что за ними наблюдают.

Элена медленно восстанавливалась. Перекачка отравленного эфира Поля забрала у неё слишком много сил. Мама часто сидела в кресле у окна, укутавшись в тёплый плед, и подолгу смотрела на улицу. Её пигментное пятно на лбу больше не светилось, но стало темнее, словно налилось скрытой тревогой.

— Знаешь, Кира, — тихо сказала Элена в четверг вечером, когда дочь расставляла тарелки к ужину. — Поле молчит. Но это не мирное молчание. Оно словно затаило дыхание перед бурей. Мужчины из Высшего Совета магов не любят, когда нарушаются их планы. Смерть Артура Николаевича должна была выглядеть как естественный приступ. То, что он выжил, да ещё и заговорил о покушении, подняло на ноги тайные патрули.

Кира замерла с вилкой в руке.

— Думаешь, они догадаются, что это была ты? Ты ведь

использовала кокон. Вас никто не видел.

— Меня не видели человеческие глаза, — Елена повернула голову к дочери, её лицо выглядело непривычно строгим. — Но Поле фиксирует любые всплески энергии. Мой след... он чужой для них. Он женский. Они ищут не конкретного человека. Они ищут аномалию.

В ту же ночь Кира проснулась от резкого, удушливого запаха озона в комнате. Часы на прикроватной тумбочке показывали ровно три часа ночи.

В темноте её ладони полыхнули ярким, неоновым-белым светом. Сердце тут же пустилось вскачь. Кира села на кровати, тяжело дыша. На этот раз Поле не просто покалывало пальцы — оно требовало действия. Ладони горели так сильно, словно она держала кусок раскалённого угля.

Она вытянула руки перед собой. Мягкий свет сгустился, и в её пальцы послушно скользнула плотная, идеально белая колода. На этот раз Кира даже не пыталась сопротивляться. Её пальцы, подчиняясь слепой мышечной памяти, со свистом затасовали шёлковые карты. Громкий шорох заполнил маленькую спальню.

Кира сделала глубокий вдох, зажмурилась и вытащила из середины три карты, веером разложив их на одеяле.

Когда она открыла глаза, по её спине пробежал ледяной пот. Карты проявились мгновенно, без задержки, словно тушь на них брызнули под высоким давлением.

На первой карте чётко проступил фасад их собственного

дома. Окна их квартиры на третьем этаже были обведены тонкой чёрной линией.

На второй карте были изображены три высокие мужские фигуры в глухих чёрных плащах с глубокими капюшонами. Лиц не было видно, но в руках одного из них горел странный артефакт — пульсирующий стеклянный шар, внутри которого бились синие искры. Патруль Совета. Охотники за аномалиями.

На третьей карте проступил рисунок лобового стекла чёрного минивэна, припаркованного на противоположной стороне их улицы, прямо под сломанным фонарём. Внизу карты угловатыми буквами горела надпись: **«ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ»**.

Колода в руках Киры растаяла, оставив на одеяле три провявшихся рисунка, которые бледнели на глазах.

Кира сорвалась с постели. Босиком, стараясь не шуметь, она подбежала к окну и осторожно отодвинула край плотной шторы. Улица была залита бледным светом редких фонарей. Дождя не было, но над асфальтом стлался редкий туман.

Она перевела взгляд на противоположную сторону дороги, прямо туда, где стоял старый тополь и не горел уличный фонарь. У обочины, глубоко в тени деревьев, действительно стоял массивный чёрный минивэн с наглухо тонированными стёклами. Его габариты были выключены, двигатель работал беззвучно, но Кира заметила, как от крыши машины поднимается лёгкое марево искажённого воздуха. Маги-

ческая маскировка. Патруль сканировал их дом.

В этот момент дверь её спальни тихо скрипнула. В комнату вошла Елена. Она была в халате, её правая рука крепко прижимала край футболки к рёбрам. Символы под её пальцами просвечивали сквозь ткань зловещим багровым цветом.

— Ты тоже это чувствуешь? — шёпотом спросила Елена, подходя к дочери.

— Они под окнами, мам, — Кира повернулась к ней, её голос дрожал от сдерживаемого ужаса. — Мои карты... они только что показали их. Три человека в чёрных плащах. У них какой-то синий шар в руках. Они знают, что мы здесь?

Элена заглянула в окно, её зрачки сузились.

— Нет. Пока не знают. Синий шар — это эхо-локатор Поля. Они засекли всплеск, который произошёл неделю назад, и теперь сужают круг. Они проверяют каждый дом, каждую квартиру на этой улице. Если они доберутся до нашего этажа, их артефакт среагирует на мою татуировку и твои ладони за секунду.

Кира судорожно схватила мать за руку.

— Нам нужно бежать? Прямо сейчас? Через чёрный ход?

— Нельзя, — Елена покачала базой, её лицо сковала маска мертвенной бледности. — Если мы побежим, минивэн зафиксирует движение чистой энергии. Мы выдадим себя. Нужно ждать утра. При дневном свете в жилом квартале они не посмеют применить грубую силу Совета. Нам нужно про-

держаться несколько часов.

Кира посмотрела на свои ладони. Свет ушёл, но внутри пальцев всё ещё пульсировал едва уловимый ритм. Карты предупредили её вовремя, но страх никуда не исчез. Кольцо вокруг единственных в мире женщин-магов сжималось, и теперь враг стоял прямо у их порога.

Глава 7. Раскол доверия

Утро принесло не облегчение, а удушливую, звенящую тишину. Чёрный минивэн исчез из-под окон перед самым рассветом, оставив после себя лишь едва заметный озоновый шлейф в морозном воздухе. Но ни Елена, ни Кира так и не сомкнули глаз.

На кухне пахло остывшим кофе. Кира нервно мерила шагами тесное пространство от раковины до холодильника. Её пальцы до сих пор подрагивали, а в голове набатом стучала фраза, увиденная ночью на белой карте: «*ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ*».

— Мы не можем просто сидеть и ждать, пока они выломают дверь, мама! — Кира резко остановилась, тяжело опершись ладонями о кухонный стол. Её карие глаза блеснули от подступающих слёз и глухой ярости. — Ты сама сказала — синий шар считывает энергетический след. Твоя татуировка горит каждую ночь, мои руки светятся. Мы для них как два маяка в темноте! Нужно собрать вещи, уехать в другой регион, затеряться, сменить имена! У нас есть деньги, которые ты отложила!

Елена сидела у окна, бледная, с чашкой в руках. На её лбу, прямо поверх багрового пятна, лежал свежий, плотный слой тонального крема, но пальцы, держащие фарфор, заметно дрожали. Она медленно покачала головой.

— Бегство ничего не решит, Кира. Совет контролирует все транспортные узлы, все базы данных. Стоит нам купить билеты или попытаться пересечь границу сектора, как Поле зафиксирует наше перемещение. Мужчины-ищейки только этого и ждут.

— И какой твой план? — прошептала Кира, её мимика искажилась от отчаяния, а губы задрожали. — Сидеть здесь и притворяться, что всё в порядке? Ждать, пока к нам в квартиру ворвутся люди в чёрных плащах и утащат нас в изолятор? Ради чего, мама?! Ради тех чужих людей, которых ты спасаешь?

Элена резко поставила чашку на стол — фарфор жалобно звякнул. Она поднялась, её плечи распрямились, а во взгляде проступила та самая несокрушимая, пугающая сила, которая досталась ей от погибшего мужа.

— Да, Кира! Ради них! — её голос, хоть и оставался тихим, прозвучал как удар хлыста. — Этот дар... эта татуировка на моих рёбрах появилась не для того, чтобы я трусливо пряталась в подвалах. Поле выбрало нас, потому что мир мужчин ослеп от собственной власти. Они не видят простых людей. Если мы сбежим и закроем глаза, старик на улице Речников погибнет. Сотни других погибнут. Я не брошу то, ради чего жил и умер твой отец.

— Мой отец умер, потому что его предали! — выкрикнула Кира, и эта фраза повисла в воздухе тяжёлым, ядовитым туманом.

Элена словно уменьшилась в размерах. Она отвернулась к окну, её нижняя губа едва заметно дрогнула, а пальцы судорожно впились в край фартука. Кира тяжело дышала, глядя на спину матери. Ей было больно от собственных слов, но липкий, животный страх за их жизни заглушал любые капли жалости.

— Я не хочу умирать как он, — тише, но с каменным упрямством добавила Кира. — Если ты выбираешь чужих людей вместо собственной дочери... то я выберу нас сама.

Она развернулась, громко хлопнула дверью кухни и заперлась в своей спальне.

В комнате Кира обессиленно упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Слезы душили её, но внутри неё, прямо под кожей ладоней, снова заворочалось знакомое, требовательное тепло. Поле не ждало, пока они помирятся. Оно требовало ответов.

Кира перевернулась на спину и вытянула руки вверх, к потолку. Её пальцы были напряжены.

— Проявись, — приказала она, заставляя себя сосредоточиться на утренней ярости и страхе. — Покажи мне выход. Не маме. Мне. Как нам спастись?

Воздух над её грудью мгновенно сгустился. С характерным, шёлковым шорохом в её пальцы скользнула безупречно белая колода. На этот раз Кира не тасовала её вслепую — она сделала это осознанно, жестко пересчитывая карты, подчиняя их своей воле. Ладони обдало приятным, неоно-

вым жаром.

Она вытянула всего одну карту и перевернула её.

Чернильные линии проступали медленно, будто нехотя. Сначала Кира увидела очертания огромного, футуристического здания из стекла и бетона — главного офиса строительного синдиката в деловом центре. Затем в левом углу карты проступили контуры знакомого серого седана. А в самом центре карты, прямо на белом глянце, чётко сформировался рисунок дорогой перьевой ручки и размашистой, властной подписи.

Внизу карты загорелись золотистые буквы: **«АРТУР НИКОЛАЕВИЧ. ДОЛГ КРОВИ»**.

Кира затаила дыхание. Карта не показывала кровь, погоню или смерть. Она указывала на человека, которого они спасли неделю назад на ночной улице. Главу строительного синдиката. Влиятельного мага Высшего Совета, который остался жив только благодаря Элене.

— Он наш единственный шанс, — прошептала Кира, и её глаза расширились от внезапного озарения.

Мама верила, что мир платит за добро. Кира в это не верила, но она верила в жесткий расчет. Артур Николаевич был слишком крупной фигурой. Если он захочет, он сможет прикрыть их от тайных патрулей Совета. Он сможет дать им защиту, которую не купишь ни за какие деньги.

Карта в её руках растаяла, оставив после себя лишь твёрдую, холодную уверенность. Кира поднялась с кровати, по-

дошла к зеркалу и быстро стёрла слезы с лица. Она не собиралась сидеть сложа руки. Ей нужно было встретиться с этим человеком. И сделать это нужно было до того, как люди в чёрных плащах вернутся к их дому.

Глава 8. Облава

Субботний вечер опустился на город слишком быстро, принеся с собой рваные облака и липкий, пронизывающий туман. Кира сидела в своей комнате, глядя на экран телефона. Она уже битый час пыталась найти личные контакты Артура Николаевича через открытые базы данных синдиката, но всё было тщетно — чиновники такого уровня были надёжно скрыты от простых смертных. Время уходило сквозь пальцы.

Из коридора донёсся тихий шорох. Кира вышла и увидела Элену: мать стояла у вешалки, накидывая на плечи своё неизменное серое пальто.

— Ты куда? — резко спросила Кира, скрестив руки на груди. Обида после вчерашней ссоры всё ещё горчила на языке.

Элена обернулась. Под её чёлкой снова пульсировало пигментное пятно — в этот раз оно не горело серебром, а тускло наливалось багровым цветом, словно сгусток старой крови. Глаза матери были подёрнуты дымкой транса, губы шевелились, беззвучно проговаривая координаты.

— Поле... — глухо отозвалась Элена, её взгляд скользнул мимо дочери. — Пожар на складах у старого порта. Там заблокированы люди. Я должна...

Она не успела договорить.

Воздух в прихожей мгновенно стал ледяным. Давление упало так резко, что у Киры заложило уши, а из рта вырвалось облачко пара. Лампочка под потолком жалобно звякнула и с треском лопнула, погрузив коридор в полумрак. В ту же секунду правый бок Элены озарился яростным синим светом, просвечивая символы на рёбрах за занавеской одежды.

— Мама! — Кира бросилась к ней, но в этот момент входная дверь... просто перестала существовать.

Её не выбили. Тяжёлое деревянное полотно вместе с замками и петлями беззвучно рассыпалось в мелкую серую труху, похожую на пепел. На пороге квартиры, чётко выделяясь на фоне тусклого света подъезда, стояли три высокие фигуры. Те самые. В глухих чёрных плащах с глубокими капюшонами, полностью скрывающими лица.

У того, кто стоял в центре, в правой руке покоился стеклянный шар. Внутри него бешено, в конвульсиях бились неоновосиние молнии, указывая прямо на Элену и Киру.

— Аномалия зафиксирована, — раздался из-под капюшона центрального безликий, лишённый человеческих интонаций голос. — Объект «Мать» и объект «Дочь». По приказу Высшего Совета — изъять для ликвидации источника искажения.

— Кира, беги! — истошно закричала Елена.

Мать рванулась вперёд, загораживая дочь собой. Она вскинула ладони навстречу охотникам. В ту же секунду про-

странство вокруг них задрожало. Кокон невидимости, который обычно прятал Элену от мира, развернулся прямо внутри квартиры. Воздух стал вязким, фигуры ищеек подёрнулись туманом, их движения замедлились, словно они оказались на дне океана. Мир отчаянно пытался стереть женщин из реальности нападающих.

Но охотники Совета были к этому готовы.

— Блокировка эфира, — сухо произнёс левый ищейка.

Он сделал резкий пас рукой вперед. Синие молнии в шаре вспыхнули с ослепительной силой. Пространство ответило глухим, металлическим скрежетом. Магический кокон Элены разорвался, как мыльный пузырь. Мать вскрикнула от сильнейшего обратного удара энергии — её отбросило назад, прямо на кухонную дверь. Из её носа тонкими струйками потекла кровь, а тональный крем на лбу окончательно поплыл, обнажая ярко светящийся багровый знак.

— Нет! Мама! — Кира упала рядом с ней, её сердце колотилось в горле.

Правый охотник сделал шаг в квартиру, протягивая к Кире бледную руку в чёрной перчатке.

В этот момент ладони Киры взорвались таким неистовым, первобытным жаром, какого она никогда не чувствовала. Свет пробил темноту коридора. В её руках из чистого воздуха соткалась колода карт — но сейчас они были не шёлковыми, а тяжёлыми, словно вырезанными из закалённого стекла.

Пальцы Киры двигались быстрее мысли. Она со свистом

сорвала верхнюю карту и, не глядя, швырнула её под ноги нападающим.

Карта, коснувшись пола, мгновенно разрослась в размерах, превратившись в идеально белую, непроницаемую стену-щит, перекрывшую коридор от пола до потолка. Охотник Совета врезался в неё, и по стеклянной поверхности карты побежали золотые трещины, сдерживая напор магов.

— Мама, вставай! Пожалуйста, вставай! — Кира судорожно тянула Элену за рукав пальто.

Элена, тяжело дыша и держась за окровавленное лицо, нашла в себе силы подняться. Щит за их спинами уже жалобно звенел под ударами синих молний ищеек. Времени оставалось на один вздох.

— Окно на кухне! — хриплым, срывающимся голосом скомандовала Элена. — Пожарная лестница... Поле не зря показало её тебе в первый раз!

Они ворвались на кухню. Кира с размаху ударила стулом по стеклу — оно с грохотом осыпалось вниз, в тёмный двор. За окном, окутанная туманом, висела ржавая железная конструкция.

В этот момент стена-карта в коридоре с оглушительным звоном разлетелась на тысячи осколков. В дверях кухни показался силуэт центрального охотника, его шар горел карающим, мертвенно-бледным светом.

— Сюда! — Кира первой вылезла на узкую железную площадку, подставив руки матери.

Элена перелезала через подоконник, когда левый ищейка вскинул руку, выпуская жгут синей энергии. Заклинание чистой силы полоснуло Элену по плечу. Мать глухо застонала, теряя равновесие, и едва не сорвалась вниз, но Кира мёртвой хваткой вцепилась в её пальто, удерживая на весу.

— Держу! Мама, держу! — сквозь зубы рычала Кира.

Они кубарем скатились по ржавым ступеням вниз, в сырую темноту двора. Позади, на третьем этаже, в проёме разбитого окна кухни стояли три безмолвные фигуры в чёрных капюшонах. Но прыгать вслед за ними они не стали — использование грубой магии на глазах у спящего квартала имело свои границы даже для Совета.

Кое-как поднявшись на ноги, Кира перекинула руку раненой, полубессознательной матери через своё плечо. Одежда Элены на плече быстро пропитывалась кровью.

Кира вытащила из кармана последнюю карту, которая материализовалась в её пальцах во время падения. На белом глянце чётко проступал силуэт знакомого стеклянного небоскрёба синдиката и стрелка, указывающая путь через тёмные переулки порта.

— Мы дойдём, — тяжело дыша, прошептала Кира, увлекая маму в спасительную тень сырых улиц. — Мы дойдём до него. Он обязан нам жизнью.

Облава завершилась. Они вырвались, но Елена ранена, их дом уничтожен, а охотники Совета теперь не остановятся, пока не выследят их по горячим следам.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.